

Татьяна Твердохлебова

г. Юрга

«Вам что, заняться нечем?»

Концерт областного симфонического оркестра отменили. Наверно, заболел кто-то из солистов. А может быть, сам дирижер. Хотелось немедленно позвонить подруге Ленке, которая пригласила меня на концерт, и сказать ей пару ласковых. Перед кассой она, в отличие от меня, не торчала. Из чего логически следовало: знала и не сказала. Но мобильник я оставила дома, чтобы не раздражать его

незатейливыми мелодиями слух пришедших насладиться вечным искусством.

Почему-то сдающих билеты было всего двое. Я и высокий импозантный мужчина зрелых лет в черных дубленке и шапке. Возможно, только мы вдвоем не слышали объявлений по радио и не читали «бегущую строку». Или, напротив, в нашем захолустном городке не оказалось достаточного количества меломанов, чтобы возле кассы создать сейчас толпу из лиц, скорбящих по поводу отмены концерта. Может, нас таких было всего двое во всем городе. Впрочем, нет. Как минимум была еще подлая Ленка.

Посокрушавшись о несбывшихся надеждах, я вздохнула и положила две сотенные бумажки в карман дубленки. «Целее будут», – высказалась моя меркантильность. Вместе со своей меркантильностью и двумя сотнями в кармане я выставила себя за дверь местного очага культуры.

В февральском воздухе витало предчувствие весны. Озорно светили лучи солнца в ярко-голубом небе. Снег, размечтавшись, слегка подтаял. Черные деревья повлажнили в ожидании новой встречи с чудом. С Ленкой ругаться расхотелось.

Он стоял чуть поодаль от крыльца и ждал, когда я пройду мимо.

– Простите, мы с Вами оказались друзьями по несчастью. Разрешите Вас проводить?

Я флегматично пожала плечом. Проводите, мол, делов-то.

– Петухов. Николай Иванович. Можно просто Николай, – представился «друг по несчастью».

Мне подумалось, что он похож на этот февральский день – то же сочетание цветов. На фоне черной шапки контрастно выделялись волосы цвета подтаявшего снега. В голубых глазах светились озорные искорки.

И еще подумалось, что фамилии распределяются в этом мире как-то несправедливо. У меня есть знакомый предприниматель. Ростом он ниже среднего, с развитой грудной клеткой и короткими ногами. Глаза у него круглые, нос тонкий и длинный, а голос громкий и пронзительный. В общем, петух самый настоящий. Причем он периодически распускает перья перед противоположным полом, хлопает крыльями, пытаясь подняться над обыденностью, и кукарекает о своих бесконечных победах над конкурентами. А фамилия у него, между тем, Молчанов.

Николай же ходил на крупного красивого зверя с мягкой кошачьей походкой. Скорее барса. И, наверно, даже снежного, потому что был седым.

Татьяна Твердохлебова родилась 28.04.1964 г. в г. Кемерово. В 1987 г. закончила Кемеровский государственный медицинский институт. Работает офтальмологом. С 1992 г. занималась в лит. студии «Свеча» под руководством Т.И. Рубцовой. Публиковалась в поэтических сборниках: «Пожалей всех птиц влюбленных!», «Семиветрие». Публикации прозы в 2007-2008, 2018, 2020 гг. в журнале «Огни Кузбасса» (повесть «Короткие рассказы из жизни Светочки Ромашкиной», рассказы); в альманахе «Образ». Награждена лит. премией журнала «Огни Кузбасса» «За лучшую публикацию в 2018 г. в разделе проза».

- Ирина Валерьевна, простите, – обратился ко мне «Петухов-Барсов».
- Вы серьезно увлечены классической музыкой?
- Пожалуй, – неохотно вступила я в разговор.
- А кто Ваш любимый композитор? – продолжал любопытствовать новый знакомый.
- Наверное, Чайковский, – задумчиво ответила я.
- Чайковский?! – удивился он, как будто я сказала какую-то чушь. – А я люблю Баха, Бетховена. Чайковский – это, по-моему...
- «Сопли, размазанные по стеклу»? – подсказала я. – Так говорил один студент, когда нам было по двадцать. Мы с ним тогда спорили до хрипоты. Сейчас я понимаю, что мужчине не может нравиться музыка Чайковского. Слишком она нежна для ушей, привыкших к звукам военных маршей.
- Я работаю в городской администрации, – отмежевался он от армии.
- Все равно. Вы – мужчина.
- Чайковский тоже был мужчиной!
- Но тонко чувствующим, почти по-женски... А вот и остановка! – попыталась поставить я точку в нашем разговоре.
- Однако мой новый знакомый явно рассчитывал на продолжение интеллектуальной беседы.
- Я живу здесь, – он показал рукой в сторону пятиэтажного дома через дорогу. – Может, посидим за бутылочкой хорошего вина? Кинзмараули Вас устроит?
- Вино не пью! – попыталась отказаться по-хорошему я.
- Коньяк? Может, «Наполеон»?
- Поскольку я молчала, вежливо улыбаясь, Николай продолжил:
- Понимаете, Ирина, я сочиняю песни. И мне некому их показать, кроме друзей. Они, конечно, восхищаются, но я им не верю. У них и слуха-то нет. А с музыкальной школой я распрощался, страшно сказать, более сорока лет назад! И вообще вышел уже из школьного возраста.
- Считаете, детский сад Вам подойдет больше? – ухмыльнулась я.
- Петухов обиделся и вправду стал походить на мальчика. Только поседевшего.
- Я работаю в детсаду, – пояснила я. – Музыкальный работник. Приходите, буду рада, – и протянула руку на прощанье.
- Ирочка, я Вас умоляю! Пойдемте ко мне! – нежно попросил доморощенный композитор и осторожно поцеловал мою руку выше перчатки.
- «Жену к детям отправил, а сам бабу снимает», – догадалась я.
- Он был красив и обходителен. И моя подруга Ленка непременно сказала бы, что я – дура, после моих слов:
- Извините, Николай Иванович, но к незнакомым мужчинам в гости я не хожу!
- Почему к незнакомым? Я же представился, – напомнил он. – Петухов. Меня полгорода знает!
- Вероятно, я – из другой половины, – пожала плечами я.
- Вы, наверно, думаете, что я могу сделать Вам что-то плохое? – заподозрил Николай.
- Думаю, – не без жестокости подтвердила я.
- Ну хотите, паспорт покажу? – расстроено предложил новый знакомый.
- А на последней странице там стоит штамп «не маньяк»? – ехидно поинтересовалась я. И после короткой паузы предложила: – Приходите ко мне на работу. Детский сад № 16, любой день с 13-ти до 15-ти.
- И я вошла в автобус, махнув на прощание перчаткой...
- Через пару дней я сидела в музыкальном зале детского сада, глядя то с тоской в потолок, то с ненавистью в спину негромко певшего и аккомпанировавшего себе на пианино Петухова. Слова и мелодии были банальны. Что-то о разлуке и утраченном счастье. Исполнение, мягко говоря, оставляло желать лучшего.

«Господи, – думала я обреченно, – какой идиот мог принять его в музыкальную школу?! Наверное, тогда был жуткий недобор. По сольфеджио, по крайней мере, отметка была не выше тройки. И чувства ритма практически никакого». Хотелось заткнуть уши. Или подойти к гостю со спины и неожиданно громко сказать ему в ухо: «До свиданья!». Чтобы он вздрогнул и сразу же стал надевать дубленку с шапкой. А потом чтобы пошел играть свои придумки домой.

Все-таки я позволила себя домучить. Николай Иванович, повернувшись, просиял ожиданием признания. Я приклеила улыбку к своему лицу. Он был элегантно одет: костюм-тройка, рубашка, галстук – все было подобрано в тон. Розовый цвет лица говорил о здоровом образе жизни и хорошем гемоглобине. Обаяние моего экзаменуемого почти можно было потрогать руками. И вместо того, чтобы без обиняков спросить его: «Вам что, заняться нечем?», я сказала:

– Ну что ж, Вы, конечно, человек тонко и глубоко чувствующий... Но что касается песен, здесь не все однозначно. Николай, Вы слышали когда-нибудь песню «Ты – моя мелодия»? Возвышенно, пронзительно! Я считаю, это тот образец, к которому нужно стремиться. Потом Ваш вокал... По сольфеджио у Вас...

– Была тройка, – продолжил Петухов. – Знаете, когда моя родительница заговаривала о дополнительных занятиях по сольфеджио с педагогом, та намекала на свою загруженность и на то, что у нас – огород и свиньи. А у нее только талант. Мама намеки понимала, но ничего не могла поделаться со своей принципиальностью. Говорила: «За то, что учителя учат, им государство платит». Потому я, наверно, остался недообразованным.

«Ну ты, похоже, не в маму, – подумала я. – С первого дня знакомства взятку спиртным предлагал».

Я сочувственно покивала и произнесла:

– И еще. Вот здесь и здесь у Вас просто «в траве сидел кузнечик». Так банально!

– Ну как «кузнечик»?! Ну почему банально?! – горячился подвергнутый критике Николай Иванович. – Давайте я Вам сыграю это место!

И он кинулся к пианино.

«Боже, только не это!» – взмолилась я мысленно и вежливо, но твердо сказала:

– Боюсь, Николай, я не смогу Вам всего объяснить. Может быть, Вам в самом деле стоит обратиться к педагогам по сольфеджио и композиции? Или попробовать самостоятельно восстановить в памяти знания по учебникам?

– Вы не могли бы помочь мне в этих занятиях? – тихо попросил Петухов.

– Думаю, ничего не выйдет! – решительно объявила я.

– И мы с Вами больше не увидимся? – опечалился неудачливый композитор. – Может, Ирочка, осчастливите меня все-таки своим визитом? Поговорим о музыке.

– Извините, я очень много работаю! И у меня дочь-подросток...

– И... муж, наверное?.. Вы замужем, Ирина?

– Да... да. И муж тоже... – пробормотала я.

Он оделся и грустно поцеловал мне руку в запястье, как раз в тот момент, когда в музыкальный зал влетала Ленка. Петухов попрощался, задумчиво глядя перед собой.

– Я чаю к тебе попить, пока эти юные террористы спят! Ну ты подумай, День защиты детей есть! А когда уже, интересно, будет День защиты взрослых?! – возмущалась моя подруга, воспитательница Немова (тоже парадокс с фамилией) Елена.

– Колобок твой опять чего натворил? – включилась я.

– В могилу он меня сведет, этот Колобок! – подтвердила Ленка. – А это кто? – кивнула она в сторону уходящего Петухова.

– Поклонник, – коротко ответила я.

– А что такой потерянный? Ты что, отшила его?! Такого мужика?! – изумилась подруга. – Ну ты и дура, Ирка! Где ты его взяла, кстати?

– Ты почему меня не предупредила, что концерт отменили? – вместо ответа припомнила я ей обиду. – Я вырядилась, как идиотка.

– Здравστε! – обиделась в свою очередь Ленка. – Я звонила. У Аньки своей спроси! Ну, – вернула она разговор в прежнее русло, – так чем он тебе не хорош?

– Он – старый! – отмахнулась я.

– Ну, знаешь, ты – тоже не девочка! Разницей в возрасте лет в 15 уже никого не удивишь.

– Он наверняка женат!

– Спрашивала?

– И так видно. Ухоженный. Чувствуется женская рука.

– Вообще-то, жена – не стенка! – продолжала подстрекательница. – Ой, Ирка-а, я от тебя ду-рею! Одинокая красивая баба. Порядочный мужчина делает ей неприличное предложение. А она?! Господи, да если бы мне такие глаза и такую фигуру, как у тебя! Все мужики были бы мои!

Ленка закатила свои маленькие глазки к потолку и стала походить на мечтательную бегемотиху.

– Хочешь, забирай его! – щедро предложила я.

– Ну а фигура у кого?!

– У меня кроме фигуры, как минимум, еще и слух есть! – заметила я.

...Николай Иванович больше не приходил. Он исчез совсем, и даже случайные встречи – внезапные порывы ветра – не нарушали моего спокойствия...

Прошло три года. Я перешла на работу в музыкальную школу и в марте повезла учеников своей заболевшей приятельницы на областной конкурс. Для развития воображения и творческих ассоциаций до отъезда я повела ребят в музей изобразительного искусства. Выставлялись художники нашей области. Я переходила от картины к картине, не заботясь о местонахождении своих подопечных. Они были почти взрослыми и достаточно самостоятельными, чтобы не потеряться.

В компании художников я с удивлением заметила Петухова. (Все-таки, ему больше подошла фамилия Барсов).

– Николай Иванович, здравствуйте! – окликнула я его.

Он узнал и обрадовался. Здороваясь, Николай, как три года назад, элегантно склонился над моей рукой.

– Ну, как Ваши занятия музыкой? – вежливо поинтересовалась я.

– Никак, – слегка наклонив голову вперед и набок, ответил он. – Вы же прозрачно намекали мне на бесперспективность дальнейших занятий.

– Разве? Я старалась быть максимально корректной.

– Спасибо! Я это оценил, – и Николай Иванович, мягко взяв меня под руку, повел по музейным залам. – Жаль, что Вы оказались замужем! Вы мне тогда очень понравились, Ирина Валерьевна! Я Вам не успел сказать: я был вдовцом. За год до нашей встречи я потерял жену. Было очень тоскливо, одиноко. Потом стали приходиться какие-то рифмы, мелодии. Они стали соединяться в песни. Я их играл, и боль отпускала... А Вам мои сочинения не понравились...

– Не понравились, – подтвердила я. – Это у Вас была сублимация.

– Сублимация?

– Да, по Фрейдю. Ну, трансформация энергии. Замена, – пояснила я.

– Я хотел, чтобы этой заменой были Вы, Ирина! – И он знакомым движением поцеловал мою руку.

Я хотела сказать: «Ведь еще ничего не потеряно!» Но в этот момент к Петухову подошла грузная женщина лет пятидесяти. В меру помятое временем и слегка обрюзгшее лицо светилось добротой и любовью. Его обрамляли черные, аккуратно уложенные волосы.

– Знакомьтесь, Ирина! Евгения Либенбаум, член Союза художников и мой руководитель по упражнениям в рисовании, – представил Петухов. – Женечка полгода назад дала согласие стать хозяйкой в моем доме и согреть мою одинокую жизнь.

Николай Иванович нежно поцеловал ее руку.

Я кивнула Женечке и отвернулась к картинам на стене. Когда прозрачная пелена наконец-то освободила мои глаза, скатившись каплями по щекам, я смогла разглядеть то, что находилось перед моим взором.

Картина была написана акварелью. На переднем плане стройная девушка с выразительными серо-голубыми глазами сидела перед роялем. Она вполоборота была повернута к зрителю. Каштановые легкие волосы девушки мягко перетекали в голубизну весеннего неба. Портретного сходства не было, но я узнала. Это была... Я через плечо посмотрела на Николая. Он с улыбкой утвердительно кивнул.

Я продолжала рассматривать картину. Небо выше девушки становилось прозрачным. Размечтавшийся снег у ножек рояля готовился сбегать от весны талой водой. Потому что он седой и прошлогодний, а она – такая красивая! Черные деревья расцветали сине-зелеными нотками...

Я развернулась всем телом к Николаю. Он взглядом спросил: «Ну, как?». Хотелось, глядя в его искристые глаза, ответить: «Очень рада за Вас. До глубины души тронута Вашими признаниями. И картина очень понравилась. Спасибо, Николай Иванович!». Но вместо этого я, опустив глаза, тоскливо выдохнула:

– Господи, Вам что, заняться нечем?

